

DONUM HOMINI UNIVERSALIS

Сборник статей в честь 70-летия

Н. В. Котрелёва

ОТН
Москва
2011

УДК 82
ББК 83
Д66

Составители:
Н. А. Богомолов, А. В. Лавров, Г. В. Обатнин

Макет Андрея Рыбакова

Д66 **Дошті һомті іптіҗалҗс:** Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелёва. —
М.: ОГИ, 2011. — 424 с.

ISBN 978-5-94282-639-0

Издание подготовлено друзьями и коллегами известного литературоведа, историка русской религиозно-философской мысли Николая Всеволодовича Котрелёва. В сборник вошли статьи авторов из России, США, Италии, Германии, Австрии, Швеции, Финляндии, Израиля, Эстонии, посвященные в первую очередь тем авторам, изучением жизни и творчества которых юбилар занимается, — Вячеславу Иванову и Владимиру Соловьеву. Но поскольку от них тянутся многочисленные нити к разнообразным явлениям русского искусства, а также к итальянской культуре, которую Н. В. Котрелёв профессионально знает, то и эти сферы также широко представлены в книге.

УДК 82
ББК 83

ISBN 978-5-94282-639-0

© Авторы статей, 2011
© Составители, 2011
© ОГИ, 2011

Д. Рицци
Сибилла Алерамо — корреспондент журнала
«Русская мысль»

Интерес Сибиллы Алерамо¹ к русской культуре не назывешь глубокоим, однако он был живым и постоянным. Свидетельство тому — многолетнее знакомство с русской литературой², а также присутствие русской темы в сочинениях итальянской писательницы, заметное с первых шагов в творчестве.

Что касается личных связей, известно, что Алерамо дружила с Максимом Горьким: они познакомились, когда Горький только что приехал в Италию в первый раз, и поддерживали отношения во время повторного приезда Горького в Сорренто, пока он не вернулся в Россию³. К имени Горького следует прибавить имена многих русских, сыгравших определенную роль в итальянской культуре, — Райсы Олькеницкой-Нальди, Ольги Ресневич-Синьорелли, Евы Амэндолы-Кюн, Татьяны Павловой и других⁴.

Исчерпывающее освещение темы «Сибилла Алерамо и Россия» требует тщательного изучения фактов и рассмотрения их в широком историческом контексте. Это — задача будущего, настоящая статья преследует более скромную цель — воссоздать малоизвестный эпизод из жизни и творчества итальянской писательницы, связанный с Россией. Мы опирались на ранее не публиковавшиеся многочисленные письма Сибилле Алерамо от Елены Лазаревской⁵, которая в течение десяти лет, с 1906 по 1916 год, была не только подругой и доверенным лицом писательницы, но и ее переводчицей и активным пропагандистом современной итальянской литературы в России.

Д. Рицци [314]

Е. М. Лазаревская (1872–?)⁶ принадлежала к петербургской интеллигенции, которую отличали космополитизм и западничество и благодаря которой в начале XX века Северная столица превратилась в один из оживленных культурных центров Европы. Ее муж Николай Иванович Лазаревский (1868–1921) — известный юрист либерального направления, один из основоположников русского конституционного права (в 1917 году председатель Юридического совещания при Временном правительстве). Потруженные в свойственную тем годам атмосферу идейного обновления, Лазаревские общались с политическими деятелями, писателями, художниками и учеными, среди которых были Николай Гумилев, Владимир Набоков (отец писателя), В. М. Гессен, П. Б. Струве и многие другие.

Елена Лазаревская, образованная и тонкая женщина, отдавала много сил благотворительности, особенно просвещению и поддержке работников ее письма Алерамо пронизаны гуманизмом и стремлением к социальному равенству. Неудивительно, что среди многочисленных знакомств, которые завязались у Лазаревской во время поездок в Италию⁷, было и знакомство с Алесандринной Равиццей (1846–1915) — активным борцом за эмансипацию женщин, пользовавшейся в Милане в конце XIX века большой популярностью. Равицца родилась и выросла в России⁸, дружила с Анной Кулишовой, в ее салоне бывали самые разные люди, включая иностранных, прежде всего, русских путешественников.

Интерес Лазаревской к Италии распространялся и на литературу: не будучи профессиональной переводчицей, она много читала и переводила — подтверждение тому можно найти во многих письмах к Алерамо. С таким духовным багажом, как у Лазаревской, у которой обостренное внимание к социальным проблемам сочеталось с глубоким знанием европейской литературы и искусства начала XX века, нельзя было не познакомиться с творчеством Джованни Чены⁹ и Сибиллы Алерамо, которых в 1902–1910 гг. связывали близкие отношения. Вряд ли можно назвать случайностью то, что, читая современных итальянских авторов, Лазаревская наткнулась на роман Чены «Gli ammoritioti» (букв. «Предостерегающие», 1904), написанный под сильным влиянием Горького. Роман Чены был восторженно встречен Равиццей и вдохновил ее на создание сборника близких по настроению рассказов¹⁰. Кстати, Чена был лично знаком с Равиццей, Сибилла Алерамо также познакомилась с ней в Милане на рубеже веков, и некоторое время они поддерживали отношения¹¹, так что, вероятно все же, итальянские писатели и их будущая переводчица познакомились благодаря общей русско-миланской приятельнице. Однако, помимо посредничества Равиццы, решающую роль должен был сыграть интерес Лазаревской к подобной прозе, начувывавшей путь «вдоль размытой границы между национальной на-

Сибилла Алерамо — корреспондент журнала «Русская мысль» [315]

родной культуры и декадансом»¹², ее восприятие и вкус: Лазаревская сразу выполнила русский перевод романа Чены, опубликованный в 1905 г. в нескольких номерах журнала «Мир Божий» под названием «Ценою жизни»¹³.

Неизвестно, являлась ли работа над переводом следствием личного знакомства с автором или поводом для него: как бы то ни было, Лазаревская, видимо, познакомилась сначала с Ченой, а уже потом с Алерамо. Тем не менее, по тону письма Сибиллы, датированного 11/24.XI.1906, понятно, что, хотя его автор и адресат еще не были лично знакомы, они сразу нашли общий язык и стали относиться друг к другу с большой теплотой — это настроение сохраняется в их письмах до самого конца. Лазаревская сообщает, что получила роман Алерамо «Уна доппа» (букв. «Женщина») и пришла от него в восхищение. Вероятно, Лазаревская прочитала роман в рукописи (скорее всего, она получила его от Чены, активно пропагандировавшего творчество своей спутницы: известно, что он отправил роман Горькому¹⁴), поскольку он вышел в Турине в ноябре 1906 года, а Лазаревская в письме от 18.XI/1.XII.1906 говорит о том, что две недели назад передала оригинал в редакцию «Мира Божьего» и ждет ответа. «Что бы они ни ответили, „Уна доппа“ я переведу в любом случае. Если не получится в каком-нибудь журнале, издам его отдельной книгой, сперва его, а потом уж „Ценою жизни“», чтоб опередить всех остальных переводчиков» — говорит она в том же письме. Несмотря на отказ из редакции, Лазаревская, очевидно, сразу села за работу, поскольку всего три месяца спустя, в первых числах марта 1907 г., роман, получивший в русском переводе название «Бесправная», начал публиковаться по частям в «Образовании» — влиятельном общественно-политическом и литературном журнале прогрессивного направления¹⁵.

В мае того же года Елена и Николай Лазаревские приезжают на несколько месяцев в Италию. Тогда и состоялось личное знакомство с Алерамо — в Риме, прежде чем супруги отправились на юг страны. Понять, какая была эта встреча, можно из последующих писем, которые Лазаревская отправляла из Сорренто: их страницы дышат восторгом по поводу того, что в Алерамо Лазаревская нашла родственную душу, а беседа о литературе доставила ей неописуемое удовольствие.

С возвращением на родину расстояние и временное снижение интенсивности переписки не помешали в переводчице желанья познакомиться. Россию с творчеством двух итальянских писателей: 9/22.VI.1908 Алерамо получила от Лазаревской длинное письмо, в котором подробно рассказывалось о переговорах с издательством «Шиповник» (1906–1922) по поводу издания последнего сборника стихов Чены «Нотто» («Человек», 1907)

и будущих сочинений самой Алерамо. В России книги должны были выйти в то же время, что и в Италии, если не раньше. «Мне очень хочется, чтобы с „Шиповником“ все получилось: их книги пользуются таким вниманием публики, что напечатать у них Ваш роман означает, что Вы сразу сделаете себе имя в России», — обещает Лазаревская.

Однако ни Чена, ни Алерамо так и не закончили в эти годы работу над новыми романами. Все их силы были направлены на оказание помощи жертвам мессинского землетрясения, произошедшего в декабре 1908 г.; на некоторое время это становится главной темой переписки с Лазаревской, которая призывала соотечественников проявить сочувствие к пострадавшим и взяла на себя роль посредника, переправляя в Италию пожертвования, собранные благотворительными организациями или переданные ей лично по велению сердца (письмо от 25.II/10.III.1909).

Последующие приезды Лазаревских в Италию весной-летом 1909 и 1910 гг. дали повод для новых встреч, благодаря которым знакомство переросло в настоящую дружбу и теплые, доверительные отношения. Летом 1910 г. в письмах Лазаревской, написанных по пути на родину, появляется особенно нежный, по-дружески сочувственный тон: «Дорогая Сестра, Подруга, моя Сибилла, быть рядом с тобой казалось мне сном <...> Я представляю тебя одинокой и усталой, как бы мне хотелось оказаться рядом, чтобы убаюкать тебя, как ребенка» (письмо от 18.VI.1910). Алерамо действительно переживала не легкие дни, терзаясь из-за мучительной метаморфозы, которая поставит точку в отношениях с Джованни Ченой и заменит собой начало полного тревол духовного и физического страдания, которое продлится два десятилетия. Судя по всему, Алерамо делилась переживаниями с русской подругой, поскольку в ответных письмах та постоянно выражает беспокойство за ее судьбу и заверяет ее в искренней сестринской любви (см., например, письмо от 14/27.X.1910). Жажда покоя, который забывавшая состоятельная подруга готова была ей подарить, должна была привести Алерамо осенью 1910 г. в Петербург: Лазаревская сама организовала ее проезд вплоть до мельчайших деталей (см. письмо от 28.X/10.XI.1910), послала Сибилле денег на дорогу, однако в самый последний момент та передумала.

Из писем Лазаревской, в которых речь идет не только о личной жизни Сибиллы (очередную влюбленность быстро сменяло разочарование), можно многое узнать о событиях в России, о переводческих планах Лазаревской, узнать ее впечатление от прочитанных книг, мнения о статьях Алерамо¹⁶ и произведенных современными итальянскими авторами (Панцини, Пиранделло, Марко Прага, Златанер, Анни Виванти), которые Сибилла посылала в Петербург, чтобы держать подругу в курсе событий. В переписке

(в 1911–1913 гг. Лазаревская писала Алерамо почти каждую неделю) говорится и о возможном сотрудничестве Сибиллы с каким-нибудь русским журналом. Эту мысль мог ей подбросить Папини (в 1904 г. благодаря посредничеству Балтрушайтиса Папини начал писать для «Весов») ¹⁷, и Сибилла обратилась к подруге за помощью. «Мне так хочется найти русскую газету или журнал для твоих статей, но не знаю, получится ли. Пока что я добилась только совета от редактора одного журнала: он посоветовал мне попытать удачи в еженедельном журнале „Современник“» (письмо от 19.III/1.IV.1911).

К попыткам получить для Алерамо работу в «Современнике» был привлечен и Горький: писательница обратилась к нему с той же просьбой, однако, хотя переговоры с одним из редакторов вела сама Мария Андреева, дело ничем не кончилось ¹⁸. В конце концов связи Лазаревской с Петром Струве, главным редактором ежемесячного журнала «Русская мысль», прическили желанные плоды (письмо от 25.V/7.VI.1911). Вероятно, договоренность была достигнута, все детали обсудили во время личных встреч в августе-сентябре, когда Лазаревская снова приехала в Италию. Однако главной темой писем, написанных в последующие месяцы, по-прежнему остаются настроения Сибиллы, переживавшей жизненную бурю, и заботливые советы чуткой подруги ¹⁹; вопросы литературы отходят на второй план, пройдя еще несколько месяцев, прежде чем Лазаревской придется напоминать Алерамо (вероятно, по ее просьбе), с каким именно журналом она собиралась сотрудничать ²⁰.

Фактически сотрудничество с «Русской мыслью» начнется лишь в начале 1912 г., когда руководство журнала, получившее, по словам Лазаревской, такое же предложение от другого лица, делает окончательный выбор в пользу Алерамо: «Редакция получила такое же предложение не знаю от кого <...> Так что, если ты собираешься написать что-нибудь о современной итальянской литературе в целом или статью о каком-нибудь авторе в связи с недавно вышедшей книгой или о чем-нибудь еще, полагаю, что теперь <...> такая статья будет кстати. Лучше, чтобы первая статья не была о женской литературе. Сейчас я перевожу твою статью „Итальянские писательницы“, пошло ее посмотреть этому редактору» (письмо от 28.I/10.II.1912).

Требования редакции будущему корреспонденту изложил лично Валерий Брюсов, заведовавший отделом литературы ²¹: его письмо напоминает перечень инструкций, новой сотруднице он поручает подготовить обзор самых интересных итальянских книжных новинок ²². Одна из трех первых статей Алерамо, появившихся в «Русской мысли» в переводе Елены Лазаревской, носила как раз обзорный характер: «Итальянская литература за

истекший год» ²³. «Вчера пришла твоя статья <...>. Полагаю, это именно то, что нужно», — сообщила переводчица (письмо от 17/30.III.1912).

Литературные итоги 1911 года, которые подводит Алерамо, не слишком утешительны: после Рисорджименто в итальянской литературе — по словам автора — было три великих поэта (Кардуччи, Пасколи и д'Аннунцио) и два достойных внимания романиста (Гоццано и Верга), однако на этом творческий потенциал культуры обедненной Италии исчерпался. В то время как в литературной критике (Де Санктис) и философии (Кроче) наблюдается некоторое идейное оживление, литература в целом подвергает трагикому испытанию даже самогонискоходительного критика. Что же включает Алерамо в число произведений, достойных упоминания? «Сказки добродетели» (*Le fiabe della virtù*) Альфредо Панцини («в современной итальянской литературе он занимает совершенно особое место», «он словно живет вне нашего времени»), в которых автор в очередной раз доказывает «свою способность чувствовать, видеть и понимать житейское горе и свое умение изображать его скатыми эпическими рассказами, развивающимися медленно и размеренно, как евангельское повествование». Затем «Разговоры» (*I colloqui*) Гвидо Гоццано, «которого некоторые критики называли последователем Francis Lamtzeя», хотя — по мнению Алерамо — нет нужды ссылаться на французского поэта, чтобы обнаружить его предшественников: «характер его творчества свойствен уже поэтам-романтикам, работавшим после Манцони и до Кардуччи преимущественно в Северной Италии, где создавалась настоящая буржуазия с укоренившимися привычками и обычаями». Гоццано «как будто бы оплакивает это далекое время, когда вся жизнь казалась окутанной нежным и смешным сентиментализмом», и в то же время черпает из нее сюжеты для своих «кизячных тонко-комических поэтических набросков». Хотя Алерамо и ценит у туринского поэта «умение владеть родным языком» и «благородную простоту, с которой он им пользуется», тем не менее она выносит суровый приговор, заявляя, что «то немногое, что Гоццано мог дать, он уже дал» и его теперешние попытки «подняться от поэзии комической к поэзии космоса» не подают больших надежд. Более благосклонно автор обзора относится к произведениям, о которых сегодня мало кто помнит: к сборнику стихотворений Джованни Бертаки «Едва слышное» (*A fior di silenzio*) («Бертаки многими сторонами своего ума близок Манцони; он воспевает христианский социализм несколько в духе Толстого»), к драмам в стихах Сема Бенелли «Потропанная шинель» (*Il mantellaccio*) и «Розмунда» (*Rosmunda*), к «Словам и крови» (*Parole e sangue*) Папини («он напоминает Гоффана и По, но его самобытность вне сомнений»). Мельком упоминает «Песни из-за моря» (*Le canzoni d'oltremare*) д'Аннунцио и переиздание

стихов Ласколи, разделавшись в нескольких строках с Уго Ойетти и Россо ди Сан-Секондо, Лучано Дзукколи и Марио Маринетти, Алерамо посвящает заключительную часть статьи женской литературе, у которой, как она признает, «нет таких достоинств, чтобы она могла составить заслуживающую внимания конкуренцию творчеству мужчин». За двумя исключенными романы «Пожиратели» (*I divorziati*) Анни Виванти («неожиданная трагичность блещет на всех страницах, увлекает и очаровывает») и «Мисры в тинере» (*Scintille nella tiera*) Паолы Стафенди, которую Алерамо ценит за «слабое проникновение в психологию действующих лиц и тонкую наблюдательность» и за взгляд на мир «вполне независимый от внушений духа и ума мужского». Неоправданно лестная оценка, даже если сделать скидку на женскую солидарность, которой всегда отличалась Алерамо.

Следующее произведение, присланное Сибиллой в редакцию, — лирический очерк «Корсика», в котором рассказывается о поездке писательницы на этот остров летом 1912 г.: «<...> получила твой очерк о Корсике, который произвел на меня большое впечатление <...>. Очень хорош. Теперь я его переведу, но не знаю, получится ли хорошо: перевод тоже должен быть хорошим. Сейчас в деревне я читала Лермонтова, буду читать Тургенева и других наших великих мастеров слова, чтобы подготовить дух и воображение. Если перевод получится, пошлю его в „Русскую мысль“ (письмо от 30.VI/12.VIII.1912). Однако, несмотря на рвение подружки-переводчицы²⁴, очерк не был принят, потому что ранее он уже был опубликован по-итальянски²⁵.

Во втором письме к Алерамо Брюсов повторяет просьбу послать статьи исключительно на литературные темы. Алерамо просьбу выполняет, и Лазаревская получает новый текст для перевода. «Статью получила, прочитала ее с большим интересом и уже известила редакцию о ее получении. Это именно то, что нужно сейчас» (письмо от 19.X/1.XI.1912).

На этот раз речь шла о литературном портрете: «Энрико Коррадини — писатель-империалист. Письмо из Италии»²⁶. Из писем Лазаревской понятно, что название придумали в редакции; как озглавила текст по сути представлявший собой монографию в миниатюре, сама Алерамо — неизвестно. В статье ошущается идейное влияние литераторов, близких журналу «La Voce», которое Алерамо испытывала в эти годы, — прежде всего Папини и Преццоллини, которые сотрудничали с Коррадини, когда он руководил еженедельником «Иль Реньо»²⁷: из всех статей Алерамо, опубликованных в «Русской мысли», эта — самая пространная и страстная. В литературный раздел она попала потому, что в ней Алерамо раскваливает недавно вышедший сборник статей Коррадини «О путях новой империи»²⁸. Очертив идейный путь, пройденный Коррадини до Ливийской кампании

1912 года²⁹, Алерамо указывает на «литературные и духовные достоинства» книги, превращающие ее автора в «одну из крупнейших сил, какие есть теперь в Италии». Ничтоже сумняшесь, она величает эту книгу «романом итальянской нации в 1911–1912 году», написанным, как «шестьсот лет назад Дино Компаньи писал свою проникнутую пылким драматизмом хроникой Флоренции, как другой человек с пылающей гражданственностью Душой, Франческо Де Сангис, писал около семидесятого года прошлого века историю итальянской литературы». Восхищение национальной гордостью, вылившаяся в колониальную экспансию, не могло оставить равнодушной Алерамо, однако не меньше впечатление произвели на нее равные литературные достоинства книги, в которой она видит «ключ познания прозрачно чистый, хотя и суровый». Этот ключ бьет из груди человека, «относящегося к тому „религиозному“ типу людей, которые всю жизнь свою посвящают определенной идее».

Восторженное отношение к войне, которое в те годы для итальянских писателей было не редкостью, озадачило переводчицу: прежде чем отправлять текст в редакцию, она деликатно берет на себя обязанность цензора, чтобы смягчить чрезмерный энтузиазм автора по поводу Итало-турецкой войны 1911 года³⁰. Приблизив статью к идеологической платформе журнала, Лазаревская сумела преодолеть колебания редакции.

В доказательство того, как высоко он ценит итальянскую сотрудницу, Брюсов дает положительный ответ на предложение напечатать в «Русской мысли» новое произведение Алерамо («Я сказала Брюсову, что теперь ты пишешь роман и что, возможно, ты согласишься напечатать его в России одновременно с итальянским изданием или даже чуть раньше», письмо от 2/15.XI.1912). Речь шла о романе «Переход» (*Il passaggio*), который увидел свет лишь в 1919 г. Лазаревская издавала следит за тем, как идет работа над книгой, затем, в очередной раз вернувшись в Италию летом 1913 г., читает первые наброски во время встречи с подружкой, которой суждено было стать последней³¹.

Встреча Алерамо, сменявшая тем временем общество Папини на общество Боччони, в июле 1913 г. знакомится с Ф. Т. Маринетти и сблизается с футуристами: их движению она посвящает следующую статью, написанную для «Русской мысли». В статье «Футуризм в Италии»³², коротко изложив историю объединения и его восприятия в Италии («Футуризм в Италии не был до сих пор удостоен ни малейшим „принятием во внимание“ со стороны литераторов»), Алерамо рассказывает об отдельных участниках движения, подчеркивая, насколько непохожи друг на друга входящие в него поэты и писатели: Маринетти («напоминает своим неоспоримым талантом Виктора Гюго и Эмиля Верхарэна», «это красноречи-

вый эпический рассказчик, богатый образами и неожиданными сравнениями», Альдо Палаццески (отличающийся «величайшей искренностью и свободой вдохновения» и «преlestной музыкальностью, превосходящей иногда достигнутую лирой Джованни Песколи»), Лучано Фольгоре (автор стихотворений, «со слишком очевидной преднамеренностью вдохновенных мотивами наимодернейшей жизни; но пишет он легко, и у него незаурядная способность к синтезу»), Паоло Буцци (у которого присутствуют «лишнее многословие, перетруженные образы, часто неприятные неровности, но помимо всего его произведений производят впечатление музыкальности и несомненной наличностью благородства души»). Движение футуризма было пестрым, «можно улыбаться веселой дерзости, с которой руководящая его группа возвещает о своей миссии возрождения Италии, но справедливость требует признать личную ценность талантов, которых сумел открыть и сгруппировать около себя Маринетти».

На этом сотрудничество Алерамо и ее переводчицы прерывается: четвертая статья³³, о которой идет речь в письмах, написанных осенью 1913 г. и в 1914 г., судя по всему, так и не была окончена. Лазаревская тоже начинает писать Алерамо гораздо реже (семь писем за последние два года), а вскоре исторические события приведут к тому, что их пути окончательно разойдутся: Алерамо отправится в Париж покорять литературные круги французской столицы, о дальнейшей судьбе Лазаревской почти ничего не известно (в 1921 г. ее муж Николай был расстрелян³⁴, можно себе представить, что ей пришлось пережить).

Как бы ни сложилась жизнь Елены Лазаревской после гибели мужа³⁵, вряд ли она, как и прежде, с пониманием отнеслась бы к очередной перемене настроения подруги — на этот раз перемене идеологической, приведенной Алерамо в 1946 г. в ряды Итальянской коммунистической партии. Кто знает, как бы она откликнулась на публикацию единственного произведения Алерамо, появившегося на русском после ее переводов: сборника «Стихи» (1952)³⁶ — полного риторики автобиографического пафоса ее новым политическим убеждениям. Повстречаясь Лазаревская со своей итальянской подругой, когда та приезжала в СССР летом 1952 г., она наверняка рассказала бы ей нечто, что поселяло бы сомнения в сердце писательницы, безоговорочно принявшей советский режим, как ясно из отчета об этой поездке³⁷ — последнего звена в цепи событий, идеально и материально связавших Алерамо с Россией.

Перевод Анны Ягильской

Д. Энцих [322]

¹ Сибилла Алерамо (настоящее имя Рина Фаччо, 1876–1960) — писательница, феминистка, лауреат премии Вьярреда. Автор крупных прозаических произведений (романы «Женщина», «Люблю значит существовать», «Клыск»), сборников малой прозы («Случайные радости», «Малая медведица»), стихов (сборники «Моменты», «Да — земле») и пьес для театра.

² См.: *Vittorio A.: Zampar M.* (a cura di) *Svelamento. Sibilla Aleramo: una biografia intellettuale*, Milano: Feltrinelli, 1988. P. 116–117.

³ См.: *Tambotta A.* *Esciti russi in Italia dal 1905 al 1917*, Bari: Laterza 1977. P. 106–109; *Salehich Grazza G.* „Massimo Gorki e Sibilla Aleramo“ // *Kançeff E., Varjanin L.* (a cura di), *L'Est europeo e l'Italia. Immagini e garrotti culturali. Studi in onore di Piero Caszoli*, Genève: Slatkine, 1995.

⁴ Материалы, хранящиеся в фонде Алерамо в римском Институте Грамши (далее ФА), свидетельствуют о том, что писательница многие годы была связана с Р. Олькеницкой-Нальди (1886–1978) и О. Ресневич-Синьорелли (1883–1973), в меньшей степени — с Евой Кон-Амендолой (1880–1961). С Татьяной Павловой (1894–1975) Алерамо сталкивалась во время работы над постановкой своей драматической поэмы «Эндимион», показанной драматической труппой Павловой в 1924 г. в Турине, а в феврале 1925 г. — в римском театре Валле.

⁵ Сохранились 150 документов — писем, открыток и телеграмм (ФА). Первое послание датировано 20.IX.3.X.1905, последнее — 5.III.1916. Ответные письма итальянской писательницы обнаружить не удалось. Лазаревская писала Алерамо по-итальянски.

⁶ К сожалению, нам не удалось узнать отчетство Лазаревской.

⁷ Среди знакомых Лазаревской упоминаем Аннибале Пасторе (1868–1956), занимавшегося философией науки, друга Джованни Чены, сотрудника «Новой Антологий», и его супругу Марию Муччи. В письмах Лазаревская часто говорит о них, как о старых знакомых.

⁸ Александрина (Саша) Массини родилась в Гаттине. Ее мать была немкой, отец — офицером царской армии, имевшим итальянские корни. Александрина преехала в Милан в 1863 г.

⁹ Джованни Чена (1870–1917) — туринский литератор, с 1902 г. и до самой смерти главный редактор журнала «Новая Антология». Его стихи и романы пронизаны сочувствием к униженным, обездоленным и изгоям общества. Гуманистические социалистические настроения Чены, в которых прослеживалась идейная связь с народничеством и которые вызвали симпатию Горького, подтолкнули его к тому, чтобы оказать деятельную поддержку сельскому населению в окрестностях Рима, положение которого в то время было весьма плачевным. Наряду с инициативами врачей, направленными на борьбу с малярией, Чена и его товарищи, среди которых была Сибилла Алерамо, много сделали для просвещения безграмотных и темных крестьян (см.: *Adati G.* *Dal chinino all'alfabeto: igiene, istruzione e brogli che nella sampraga tomana. Roma. Raimondi*, 2000). Впоследствии Чена много помогал жертвам мессинского землетрясения.

¹⁰ *Rinizza A.* *I miei ladpincoli: rascontti dei bassi fondi milanesi*, Roma: Nuova antologia, 1906.

¹¹ О дружбе Равиччи и Алерамо см.: *Scaramuzza E.* *La santa e la sputtata*, Alessandria Ravizza e Sibilla Aleramo. Amicizia, politica e scrittura. Napoli: Liguori, 2007.

¹² *Giovani P. Sena, Giovanni // Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1979. Vol. 23. P. 491.

¹³ Перевод был напечатан в следующих номерах журнала: № 6. С. 128–160; № 7. С. 133–177; № 8. С. 196–223 и № 9. С. 131–151.

¹⁴ См. ответ Марии Андреевой, тогдашней спутницы Горького. Дюковани Чене, датированный 1 ноября 1907 г. (ФА). Лично они познакомились месяц спустя. См. статью Сибиллы Алерамо «Максим Горький в Риме» (*Allegato S. Massimo Gor'ki a Roma // La tribuna*. ХVУ. 351, 19 dic. 1907).

¹⁵ Перевод опубликован в следующих номерах: № 2. С. 101–128; № 3. С. 100–142; № 4. С. 115–146; № 5. С. 128–170 и № 6. С. 139–167. См. письмо Лазаревской к Алерамо от 12/25. III. 1907. (ФА).

¹⁶ Письмо от 10/23.V.1911: «Дорогая моя, любима, наконец-то я тебе пишу <...> Благодарю тебя за все твои письма и за твою глубокую статью „Анология женского духа“. Не могу сказать, что я ее „добрила“, как ты говоришь, поскольку ты, что ты написала, — для меня мысли новые; однако я была очень счастлива читать тебя, чувствуя тому, что нашлась женщина (и это ты!), увидевшая и выразившая все это».

¹⁷ О сотрудничестве Ланини с «Весами» см.: *Котрелёв Н. В.*, Итальянские литераторы — сотрудники «Весов» (эпизод из истории русско-итальянских связей) // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВБМЛ. М., 1978. С. 129–158.

¹⁸ Письмо Марии Андреевой Сибилле Алерамо от 15 февраля 1911 г. (ФА).

¹⁹ Насколько важна была для нее в эти годы дружба с Лазаревской, рассказывает сама Алерамо на странице дневника, относящейся к концу июля 1912 г.: «Придетя снова и снова страдать. Еще рано. Но ведь у меня есть сестры, далекие или близкие, у которых со мной уже одна душа... Ты, Елена, ты любишь меня издавна; слово откровенно тебе правду, так готова ли ты благодарно принять несчастье, которое может тебе выпасть, если оно послужит моему счастью, даже не счастью — более значительной, более привольной жизни...» (цит. по: *Antipodida Della Vitalio* — Lettere Parini-Aleramo e altri inediti (1912–1943) — Napoli: Edizioni scientifiche Italiane, 1988. P. 166).

²⁰ «Это один из первых журналов России, весьма уважаемый и имеющий широкое хождение. В политическом отношении он либеральный, в Италии сказали бы — радикальный; <...> наиболее подходящим было бы для него французское определение „радикально-социалистический“, отражающее представление о политической эволюции государства и об экономических реформах в пользу беднейших классов, рабочих и крестьян. Что же до литературных идей и форм, которые журнал особенно поддерживает, <...> его двери достаточно широко открыты для разных сфер литературного искусства, если они представляют литературную ценность и не противоречат общему характеру журнала, как я тебе его описала. В борьбе иностранная прозаическая литература — романы и новеллы — действуют те же требования, но, естественно, с большей строгостью. Формат прилагательной такой же, как у „Новой Антологии“» (письмо от 26. II/10. III. 1912). Под руководством Струве (1910–1918) журнал, основанный в Москве в 1880 г., политически приблизился к «правому крылу» партии кадетов и открыл свои двери для литераторов из лагеря символистов.

²¹ Связи с итальянским литературным миром у Брюсова завязались, когда он руководил «Весами» в 1904–1909 гг. В Италии одно его стихотворение было

напечатано в журнале Маринетти «Поэзия» (№ 7–9. 1909), рассказ «Сестры» («Le tre sorelle») появился на страницах журнала «Ла Воچه» (№ 25, 1913).

²² Под письмом, написанным по-русски и напечатанным на машинке, стоит дата: 13 февраля 1913 г. Скорее всего, это опечатка, поскольку на почтовом штемпеле на конверте указан 1912 год; впрочем, только дата «1912 г.» не противоречит содержанию письма. Это и следующее письмо (написанное от руки по-французски и датированное 15 сентября 1912 г.) хранятся в ФА вместе с посланиями Лазаревской.

²³ «Русская мысль». 1912. № 5. С. 36–41, раздел «В России и за границей. Обзоры и заметки». Под статьей указана дата: «Флоренция, март 1912 г.»

²⁴ В письме от 23.IX/6.X.1912 Лазаревская сообщает, что продолжает работать над переводом «Корусики», которому она надеется пристроить в другое издательство.

²⁵ Статья была опубликована в журнале «Мараджокко» (ХVII. 29) 21 июля 1912 г.

²⁶ «Русская мысль». 1913. № 1. С. 30–33. Под статье указана дата: «Сорренто, 25 октября 1912 г.»

²⁷ «Ла Воچه» (1908–1916) — крупнейший литературный журнал довоенных лет, основанный Дж. Преццоллини; общественно-политический журнал «Миль Ренчо» (1903–1906), основанный Э. Коррадини, выражал националистические, антипарламентские и антисоциалистические настроения.

²⁸ *Sonadini E.* Sorda le vie del nuovo impero: dall'emigrazione di Timisi alla guerra nell'Egeo; son un erliogo sorda la civiltà commerciale, la civiltà guerresca e i valori morali. Milano: F.lli Treves, 1912.

²⁹ Стремясь стать колониальной державой, Италия объявила войну Турции и захватила Ливию (1911–1912).

³⁰ «Дорогая, я боюсь, что редакция станет придираться из-за военного вопроса. Не думаю, что они могут принять какую-нибудь другую войну, кроме войны за свободу. [...] В любом случае, полагаю, что редакция легко сможет опустить некоторые слова, некоторые предложения, чтобы статья не шла в разрез с их принципами, не меняя при этом (естественно!) тон твоих статьи. Более того, я сама за этим прослежу и пошлю некоторые странички в двух экземплярах, чтобы они могли выбрать, убрав в одном восторги по поводу войны, против которой в нашей обществу действительно сильно протестуют. Я просто опущу, там не будет ни одного чуждого слова, чуждого тона» (письмо от 30.XI.1912).

³¹ См. страничку из дневника, датированную 23 ноября 1940 г.: «Во время другой войны, которую продолжают называть Великой, рукопись „Перехода“ была единственной вещью, которую я страшно боялась потерять; стиснутая, она лежала у меня в чемодане, когда я переезжала из Рима в Ассизи и Флоренцию, потом к ломбардским озерам, а потом добралась до Капри, где я закончила работу над ней за месяц до объявления перемирия. Я начала писать роман за два года до того, как в Европе вспыхнула пламя, читала его первые главы в Сорренто моей русской переводчице, которая приехала из Петербурга навестить меня. Елена Лазаревская, женщина огромного роста с ласковым голосом, любившая меня с каким-то религиозным поклонением» (*Mortio A. [a sua di]*. Un amore insolito. Milano: Feltrinelli, 1979. P. 110).

³² «Русская мысль». 1913. № 12. С. 16–19. Указана дата: «Сорренто, май 1913 г.»

³³ Возможно, речь шла о Равицце: на эту мысль наводит письмо Лазаревской от 26.I/8.II.1913. Эта могла быть статья и небольшая подборка рассказов. Позднее Алерамо опубликует в Италии несколько статей о Равицце: *Ravizza A.*, «Il Matzocco»

(XX). 5. 31 gennaio 1915; *Rivista A.*, «L'Unità» (XIII), 175, 28 luglio 1946; *I roventi* la chiamavano «*Sottessa del brodo*», «*Il progresso d'Italia*» 3 maggio 1948.

³⁴ Николай Лазаревского, в то время занимавшего пост проректора Петроградского университета, обвинили в причастности к заговору Таранцева — вымышленной контрреволюционной организации, «разоблаченной» ЧК в Петрограде. Среди более чем шестидесяти расстрелянных по этому делу был и поэт Николай Гумилев.

³⁵ Единственный след, который нам удалось найти, — «библиографический»: Лазаревская перевела книгу Гамсуна, вышедшую в 1924 г. (К. Гамсун, «Последняя глава». Роман. Перевод Е. Л. Вейнбаума и Е. М. Лазаревской. Петроград: Библиотека художественной литературы, 1924).

³⁶ *Алерамо С.* Стихи. Перевод с итальянского В. Соловьева. Предисл. Б. Везолодолова. М.: Издательство Иностранной Литературы, 1952. Стихотворения взяты из книги «*Atlatenti a dite.* Nuove poesie 1948–1951» («Помогите мне сказать. Новые стихи 1948–1951»), опубликованной в Риме в 1951 г.

³⁷ *Alvanto S.* *Russia alto raese.* Roma: Italfa-URSS Editrice, 1953.

А. Л. Соболев
Сим сцито: Вячеслав Иванов .....
Участник сборника «Щит»

В первых числах марта 1916 года Вячеслав Иванов работает над текстом, в жанровом отношении представляющим собою краткий мемуар, а в функциональном — набросок показаний для третейского суда. Нижеследующие заметки представляют собой опыт комментария к этому сочинению:

«Честь имею, в ответ на письмо ко мне Разумника Васильевича Иванова, помеченное датой 1 марта и полученное мною 5 марта 1916 г., представить третейскому суду по делу между Ф. К. Сологубом и С. В. Познером нижеследующие свидетельские показания.

В бытность мою в Петрограде в последние днях ноября и первых декабря 1914 года, в самый день моего отъезда в Москву, посетили меня для переговоров по новому для меня делу Ф. К. Сологуб, Ан. Н. Чеботаревская и З. И. [ржебин. Они сообщили мне о предполагаемом [ими] издании сборника статей не-еврейских авторов по еврейскому вопросу и просили меня содействовать им, как в форме литературного сотрудничества, так и путем привлечения к участию в сборнике некоторых [московских профессоров и ученых] москвичей. Этот благотворительный сборник должен был, по мысли инициаторов, способствовать пробуждению в широких общественных кругах сочувственного внимания как к положению евреев в России, так и к еврейству вообще. В ряде независимых русских освещений общественно должно было почерпнуть импульс к достоверной и углубленной проверке сложившихся в нем навыков в воззрениях [взглядах] на еврейство и в социально-психологическом к нему отношению, — тем более, что эти

(The letter is in the Vilin collection of the manuscript archive at the library of the University of Leeds (MS. 1066/5758). A signed portrait was sent together with Vilin's answer. It was offered for sale at an auction a few years ago for about 2000 Dollars.)

⁴ Presumably Serge de Lyon (Sergei Tsion, 1874–1947).

⁵ A collection of Vilin's poetry (*Избранные стихи—Selected Poems*) had been published in Paris in 1929.

⁶ My Dear Sir and Colleague,

Warm thanks for your very kind letter and sensitive and profound essay. I read it with the assistance of a comrade who has lived a long time in Sweden. I would like to send you my poetry collection, but untranslated; it would of course to you be a dead letter. I would be very pleased to have an opportunity to meet you, shake your hand and exchange some thoughts on poetry with you. Awaiting this great pleasure I assure you, dear and honored Colleague, of my devotion,

Ivan Vilin

Villa Belvédère

Grasse, a. m.

(This letter is in the manuscript archive of the Royal Library in Stockholm (Fr. V 28).)

⁷ My Dear Sir,

I thank you so very much once again!

Yours

I. Vilin

12.IV.1933

Grasse, a. m. (Ibid.)

⁸

Stockholm 9 November 1933
Vapaðisvægen 20.

Dear Master,
a thousand congratulations! Welcome to Sweden and Stockholm! I hope that we shall meet!

Yours very sincerely
Fredrik Vetterlund

(The letter is in the Vilin collection of the manuscript archive at the library of the University of Leeds (MS. 1066/5759).)

⁹ «Det förändras vemod. En studie i poetisk mentalitet» (The Melancholy of the Past. A Study in a Poetic Mentality). *Romantiskt 1800-tal. Ännu pådra essayer* (Stockholm, 1934), 199.

¹⁰ The only serious published commentary in Swedish surveying Vilin's works at this time was Nobel Committee Secretary Anders Österling's feature article in the 10 November 1933 issue of *Svenska Dagbladet* (just after Vilin had received the prize).

Содержание

Несколько слов от составителей	5
<i>К. М. Азадовский, Г. Г. Сулерфин</i> Русский в Германии: одиссея «профессора» Матанкина	8
<i>М. В. Безродный</i> Poetree	39
<i>Р. Бёрд</i> К истории поэтического цеха «Окон ТАСС» (1941–1945)	46
<i>Т. Венцлова</i> О строении сонета Вячеслава Иванова «La Superba»	57
<i>С. Гардонно</i> Образ Флоренции в творчестве Вячеслава Иванова (1890–1900-е годы)	64
<i>М. К. Гибини</i> Ясгов Равловitch и Monsieur Bergdaeff: Запад и Восток во «Франко-русской студии»	74
<i>А. Б. Губанов</i> Какой гул затих в пастернаковском «Гамлете»?	83
<i>А. д'Амелия</i> Русские вечера в художественном театре Лунджи Пиранделло	90

<i>Л. Деотто</i>	Милан в описаниях русских путешественников. Предварительные заметки	101
<i>П. В. Дмитриев</i>	Вяч. Иванов и М. Кузмин. К истории одного недоразумения	112
<i>С. Н. Доченко</i>	О генезисе архитектурного стихотворения О. Мандельштама «Nights Dame»	118
<i>Л. Д. Зубарев</i>	«Все они впоследствии занимались литературой...» Еще раз о бакинском периоде Вяч. Иванова	127
<i>Е. В. Иванова</i>	Из комментариев к «Краткой повести об Антихристе»	136
<i>А. В. Лавров</i>	Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин в 1907 году (Эпистолярные иллюстрации)	143
<i>Г. А. Левинтон</i>	Из комментариев к прозе Мандельштама (8)	162
<i>О. А. Лекманов</i>	Из комментария к «Чистому понедельнику» И. Бунина: параллели с Александром Блоком	168
<i>Г. А. Лескус</i>	«Вентрия 56!» (Глава из рукописи мемуарной книги) Публикация В. Г. Лескуса	173
<i>F. Malsowati</i>	Učaševan Ivanov e Rinaldo Kifferle: alcune lettere inedite sulla tradizione di «Uomo»	184
<i>А. Мейре, Н. А. Богомолов</i>	Ситуация 1920 года: взгляд из Эстонии	192
<i>Г. Л. Никольская</i>	«Героиня романов Тургенева»	202

Содержание [422]

<i>Г. В. Обатшин</i>	«Флкс» Вяч. Иванова как ракурс к биографии	214
<i>О. Я. Обухова</i>	Анна Ахматова глазами итальянской журналистки	248
	Неизвестная записная книжка <1920> Вяч. Иванова. Публикация Дж. Малмстада и М. Павловой	252
<i>А. Е. Парнис</i>	Заметки к теме «Вячеслав Иванов и Александр Иванов» (Неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В. М. Зуммера)	266
	Приложение 1	294
	Приложение 2	299
<i>Ф. Б. Поляков</i>	Заметки о текстологии писем Владимира Соловьева к княгине Е. Г. Волконской	304
<i>Д. Рицци</i>	Сибилла Алерамо — корреспондент журнала «Русская мысль» ...	314
<i>А. Л. Соболев</i>	Сим scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит»	327
<i>Е. А. Тахо-Годи</i>	Вяч. Иванов и его бакинские корреспонденты — А. М. Евлахов и С. П. Семенов (Аргашев)	359
<i>Р. Д. Тименчик</i>	Карточки	373
<i>А. Л. Топорков</i>	Некоторые замечания по поводу переписки Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал	397
<i>А. Б. Шишкин</i>	Бакинская записка С. В. Троцкого в дневнике Вяч. Иванова 1924 года	409
<i>М. Уиндген</i>	Fredrik Vetterlund and Ivan Vinip	415

Содержание [423]

Научное издание

ВОИНИ НОМІНИ UNIVERSALIS

Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелёва

Составители: Н. А. Богомолов, А. В. Лавров, Г. В. Обатнин

Ответственный редактор О. Старикова

Компьютерная верстка: Т. Мосолова

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

101000, Москва, Кривоколенный пер. д. 10, стр. 6а

Тел./факс: (495) 621-98-52; e-mail: info@ogi.ru

Информация о книгах издательства: <http://ogi-press.livejournal.com>

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОГИ И Б.С.Г.-ПРЕСС МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Кафе «Нейтральная территория», м. «Китай-город»,
Новая площадь, д. 14. Тел.: (495) 621-27-37.
- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ДД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Поланка», ул. Большая Поланка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнездиковский пер., д. 12/27. Тел.: (495) 629-88-21.
- Книжный магазин «Гилея», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Тверской бул., д. 9. Тел.: (495) 925-81-66.

ОПТОМ

КД «Б.С.Г.-ПРЕСС», Москва, ул. Гончарная, 38.

Тел./факс: (495) 915 67 24; тел. +7 (915) 110 36 50.

В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАХ

www.estel.ru и www.ozon.ru

Подписано в печать 18.02.2011. Гарнитура OfficeSans.

Формат 60×90 1/16. Объем 26,5 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 4877.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaostrk.ru, www.oaoimk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685